

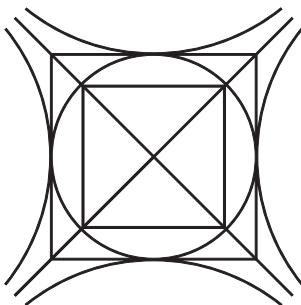
Франклин
МЕРРЕЛЛ-ВОЛЬФ

ПРОБУЖДЕНИЕ
В СВЕРХСОЗНАНИИ

*Гносеология как
Путь в иные измерения*

Франклин
МЕРРЕЛЛ-ВОЛЬФ

ПРОБУЖДЕНИЕ
В СВЕРХСОЗНАНИИ

*Гносеология как
Путь в иные измерения*

УДК 130.123
ББК 88.6
М52

Перевод с английского А. Величенко

Меррелл-Вольф Франклин

- М52 Пробуждение в Сверхсознании: Гносеология как Путь в иные измерения / Перев. с англ. — М.: ООО Издательство «София», 2009. — 640 с.
- ISBN 978-5-91250-965-0

В своем итоговом труде Франклин Меррелл-Вольф (1887–1985) — американский математик, мистик и философ — рассматривает мистическую по своей сути способность к самосознанию (интоценцию) как функциональный аналог чувственного восприятия, а также обосновывает тезис, согласно которому она качественно превосходит способность к абстрактному мышлению. Таким образом мистический опыт получает в системе Меррелл-Вольфа статус высшего вида deductивного познания, что позволяет ему преодолеть запреты, сформулированные И. Кантом в его «Критике чистого разума» (невозможность на собственном опыте познать бытие Бога, свободу воли и бессмертие души).

Книга предназначена для философов, религиоведов, психологов, а также для всех, кто интересуется исследованиями в области природы мистических состояний сознания.

УДК 130.123
ББК 88.6

Copyright © 1995 State University of New York
TRANSFORMATION IN CONSCIOUSNESS
THE METAPHYSICS AND EPISTEMOLOGY
Русское издание публикуется с разрешения
State University of New York Press.

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

ISBN 978-5-91250-965-0

© Перевод, аннотация А. Е. Величенко
© «София», 2009
© ООО Издательство «София», 2009

Содержание

Предисловие переводчика	7
Введение	31
Часть I. Опыт и системы его описания	45
Глава 1. На пути к философскому синтезу	47
Глава 2. Натурализм	51
Глава 3. Неореализм	67
Глава 4. Прагматизм	93
Глава 5. Идеализм	173
Глава 6. Интровертивные основы идеализма	203
Часть II. Философия интровертивного опыта	285
Глава 7. Пробуждение	287
Глава 8. Трансцендентализм	345
Глава 9. Реальность и явление	371
Глава 10. От «богов» к Божественному	399
Часть III. Психологическое исследование мистического опыта	421
Глава 11. Суждения о факте и суждения о смысле	423
Глава 12. Три парадигмы мистического опыта	433

Глава 13. Миистическое знание	531
Глава 14. Природа мистических состояний сознания	569
Эпилог	583
Приложение I. Миистическая гносеология	595
Приложение II. Субъективное семантическое пространство Ф. Меррелл-Вольфа	599
Приложение III. Философский идиолект Ф. Меррелл-Вольфа	603
От редактора	638

Предисловие переводчика

Нередко можно встретить утверждения, согласно которым мистический опыт в принципе невыразим, а духовное знание Востока непостижимо для человека, выросшего в лоне европейской культуры. В итоговом труде Франклина Меррелл-Вольфа (Franklin Merrell-Wolff, 1887–1985) — американского математика, мистика и философа — предлагаются теоретический и практический методы разрешения этих проблем.

По сути Меррелл-Вольф разрабатывает философские основания учения о сверхсознании. Он предлагает систему описания духовного опыта на языке философской традиции Запада. Прослеживая переход от чувственного опыта к сверхчувственному, автор превращает гносеологию в подлинную джняна-йогу — метод познания и достижения истинной Реальности. Согласно Меррелл-Вольфу, мысль указывает на то, что может стать частью глубокого внутреннего опыта. И если одни установки разума препятствуют внутреннему развитию, то другие, напротив, этому всесело способствуют.

Для Меррелл-Вольфа основной вопрос философии — не «Что первично (материя или сознание, идеальное или материальное)?», а «Что представляет собою разум, который задает этот и другие подобные ему (предельные) вопросы?». Какова его подлинная роль: слуги чувственного восприятия

или моста к иной Реальности и средства выражения духовного Знания?

Реконструкция

Предлагаемый перевод книги Меррелл-Вольфа есть своего рода глубинная реконструкция. Ее необходимость была вызвана тем, что слова, используемые автором, порой весьма и весьма далеки от привычных значений*, а координаты, в которых движется его мысль, почти не поддаются определению. Казалось бы, такой текст непереводим. Однако данное обстоятельство и служит ключом к переводу: оно указывает на существование индивидуального авторского языка — т. н. идиолекта. Этот индивидуальный язык представляет собой систему, которая и определяет значения используемых в нем терминов, а также принципы их соотношения друг с другом.

Любой письменный текст сначала воспринимается на уровне графического отображения знаков письма (иероглифов или букв алфавита). Далее мы переходим к распознаванию его формально-языковой стороны, т. е. пониманию, на каком именно языке этот текст был написан (японском, английском и т. д.). Поднимаясь еще выше, мы попадаем на уровень смысла, который был выражен автором с помощью языка и зафиксирован графически в виде данного текста.

В книге Меррелл-Вольфа между уровнями языка и смысла усматривается некая промежуточная инстанция — идиолект. Значения последнего лишь частично определяются логикой

* Например, термины *conceptualism* и *gnosticism* никакого отношения к концептуализму и гностицизму не имеют. Первый указывает на уровень мышления абстрактными понятиями (*concepts*), а второй — на уровень духовного Знания (*Gnosis*).

конвенционального языка. Поэтому идиолект может практически полностью перекрывать доступ к уровню смысла, или субъективному семантическому пространству автора текста. И здесь совершенно неважно, на каком языке написан этот текст. Характерно, что в американских энциклопедиях Меррелл-Вольф упоминается как мистик, но не философ. С нашей точки зрения, это косвенно свидетельствует о том, что созданная им философская система все еще остается закрытой для понимания.

Если слова идиолекта рассматривать как часть обычного языка, то между словом и смыслом наблюдается колossalная дистанция, преодолеть которую отчасти помогает логика изложения самого Меррелл-Вольфа. Эта логика и выявляет то самое субъективное семантическое пространство, о котором мы упомянули выше. Данное пространство, в свою очередь, определяется внутренним опытом автора. Поскольку Меррелл-Вольф привлекает цитаты из различных источников, в том числе мистического содержания, это позволяет предположить существование неких общих структур или координат данного опыта, признаваемых самим автором.

Первым шагом в этом направлении стало определение, кто именно мог повлиять на формирование его философского идиолекта. Присутствие в тексте таких терминов и выражений, как *Gnostic or Supramental Knowledge* («духовное, или супраментальное Знание») и *knowledge through identity* («познание через тождество»), указывает на влияние Шри Ауробиндо. Гнозисом индийский мистик и философ называл уровень Сверхсознания. Он располагается сразу над головой — над уровнем разума-ментала. В поздний период своего творчества Шри Ауробиндо стал проводить различие между собственно супраменталом и областью духовного разума (*over-mind*),

которая — наряду с чистым Глобальным разумом — стала включать в себя Возвышенный разум, Озаренный разум и план Интуиции.

И действительно, термин *gnostic* используется Меррелл-Вольфом в соответствии с концепцией Шри Ауробиндо, означая духовный уровень сознания. Переживание Нирваны Шри Ауробиндо связывает с первым планом Сверхсознания — Возвышенным разумом*. По словам Меррелл-Вольфа, в текстах Шри Ауробиндо он искал объяснение своему собственному опыту Нирваны. Вероятно, с той же целью он обращался к работам Плотина, буддийским трактатам и адвайта-веданте** Шри Шанкары.

* «Что касается тишины и безмолвия... их можно обрести даже на уровне Возвышенного Разума, который находится как раз над [обычным] человеческим интеллектом» [*Sri Aurobindo. On Himself*. — Pondicherry: Sri Aurobindo ashram, 1989. P. 163].

«Опыт Нирваны можно пережить на вершине разума или же на тех планах, которые пока еще остаются сверхсознательными для разума; в разуме, одухотворенном восхождением в Атман, возникает чувство лайи, растворения самого себя, своих мыслей, движений, санскар в сверхсознательном Безмолвии и Бесконечности, которые он не способен постичь, — это переживание Непознаваемого» [*Sri Aurobindo. Letters on Yoga. In two vol.* — Pondicherry: Sri Aurobindo ashram, 1991. P. 1139].

** Адвайта (букв. «недвойственная», чистый монизм) — влиятельная школа веданты. Главным ее представителем был Шанкара, создавший наиболее авторитетные комментарии к упанишадам, Веданта-сутре и Бхагавадгите. Адвайта утверждает, что Абсолют, Брахман, — это единственная реальность. Атман есть Брахман. Проявленный мир иллюзорен (майя). Отсюда другое название адвайта-веданты — майявада (учение о майе).

Майя — первоначально (в Ведах) рассматривалась как творящая Мудрость; в индийской мифологии это способность богов, демонов, духов изменять свой облик (колдовские чары, наваждение); в адвайта-веданте (Гаудапады и Шанкары) — сила иллюзии, благодаря которой мы воспринимаем материальный мир как абсолютную реальность и не способны увидеть за видимым многообразием подлинную Реальность (единого, неизменного, неподвижного и вечного Брахмана).

Таким образом, работая с терминологией, нам удалось локализовать ту область, с которой связаны глубокие внутренние переживания Меррелл-Вольфа. Это область Сверхсознания, хотя самого термина *superconsciousness* в тексте оригинала не встречается. Тем не менее есть отдельные указания на эту область, благодаря которым можно сделать соответствующий перевод: *superior consciousness*, *superior kind of consciousness* (высшее сознание, Сверхсознание), *superior reality* (реальность, которая открывается в состоянии Сверхсознания), *superior state* (состояние Сверхсознания), *ecstatic meditation* (созерцание, ведущее к переживанию Сверхсознания).

Ряд терминов автор пишет с заглавной буквы, что опять же указывает на нечто более высокое, нежели наш обычный уровень опыта: *Root Consciousness* (Сознание как Исток и Субстанция всего сущего), *Realization of ultimate Reality*, *spiritual Realization* (Осознание высшей, духовной Реальности), *Gnostic Realization* (сверхразумное Осознание)*, *Illumination* (Озарение), *higher Thought* (высшая Мысль)**.

Центральным в философской системе Меррелл-Вольфа является понятие интроверсии. Оно тесно связано с представлениями автора о сознании и природе опыта.

* Gnostic означает «связанный с уровнем сверхсознания», «пребывающий сразу над разумом, над уровнем абстрактного мышления». В отличие от Шри Ауробиндо Меррелл-Вольф не ставит перед собой задачу преображения телесной природы человечества. Поэтому в данном случае речь идет о духовном разуме (*overmind*), а не о Сверхразуме-супраментале (*supermind*).

** В системе Шри Ауробиндо последним уровням соответствуют *Illumined mind* (Озаренный разум) и *Higher mind* (Воззвышенный разум).

На пути к философскому синтезу

Когда в незапамятном прошлом человек поднялся на тот уровень своего развития, с высоты которого его мысленному взору открылась панорама всего доступного ему опыта, он обнаружил в нем две части, казалось бы противоположные, и все же дополняющие и обусловливающие друг друга, подобно полюсам магнита. Теперь они нам известны как Дух и Материя. В зависимости от особенностей своего психологического склада мыслители отдавали предпочтение либо одному полюсу опыта, либо другому. Некоторые рассматривали их как взаимозависимые или произошедшие от одной общей Основы. Другие, мировоззрение которых было гораздо менее гибким, признавали абсолютным началом лишь один из них. Даже те, кто обладал более широким взглядом, стремились подчеркнуть ведущую роль либо Духа, либо Материи. По мере формирования философских традиций неизбежно возникла тенденция к дальнейшей поляризации тех школ мысли, в которых преимущественное или даже исключительное значение придавалось только одному из полюсов опыта (какое бы толкование ни получали при этом понятия «Дух» и «Материя»). Таким образом, даже в результате беглого обзора истории философии у

исследователя невольно складывается впечатление, что во все времена, проявляясь в разных формах и выступая под разными именами, существовали только две основные парадигмы (two main patterns)*, определяющие мировоззрение мыслящей части человечества.

На Западе принадлежность к двум этим линиям развития философской мысли приняла форму разделения на материализм, натурализм и реализм, с одной стороны, и спиритуализм, идеализм и субъективизм — с другой. В наше время наиболее яркими представителями этих философских тенденций, диаметрально противоположных друг другу, являются идеализм и натурализм. Первый из них тяготеет к религии, а второй — к науке. В начале XX века возникли еще две школы — прагматизм и неореализм, — занявшие промежуточное место между крайними формами идеализма и натурализма. Неореализм находится ближе к натурализму, однако объективная реальность для неореалистов есть нечто несравненно более тонкое, чем для натуралистов. Прагматизм склоняется скорее к идеализму, хотя от последнего его отличает гораздо менее возвышенное отношение к Богу и значительно больший интерес к эмпирической реальности**. Можно сказать, что прагматизм и неореализм более гуманистичны, нежели классические школы мысли. Они сосредоточены в основном

* Паттерн (англ. pattern — образец, шаблон, модель) — устойчивая система взаимодействия тех или иных элементов (терминов, сигналов нервной системы, реакций психики и т. д.). — Прим. перев.

** Так, прагматист Уильям Джемс полагал, что вера нужна человеку, поскольку помогает ему в борьбе против тягот жизни, страданий и одиночества. Религиозные представления могут быть всего лишь гипотезой, писал он, но вера в Бога спасительна, а потому «выгодна» с прагматической точки зрения. Таким образом, прагматизм это не только философия дела, но и прагматическая вера. — Прим. перев.

на способностях человеческого сознания — способностях познавать, переживать и действовать. В любом случае, различия между указанными четырьмя школами достаточно хорошо заметны, чтобы их можно было рассматривать в рамках предлагаемой дихотомичной типологии.

Все эти системы или способы мышления акцентируют внимание на тех компонентах реального человеческого опыта, простых и сложных, которые нам предстоит обнаружить в своем собственном сознании. Поэтому ни одной из систем не следует пренебрегать полностью, и по-настоящему синтетическая философия, если ей вообще суждено когда-либо появиться, должна оценить по достоинству каждую философскую школу или, по крайней мере, найти в ее учении рациональное зерно. К сожалению, среди представителей разных школ существует устойчивая тенденция излагать свою позицию с помощью более или менее специальной терминологии, что лишь препятствует достижению взаимопонимания. В синтетической системе все эти особенности философского языка должны быть нивелированы.

Сейчас я предлагаю приступить к исследованию основных — сущностных или характерных — особенностей этих школ. Моя основная задача — показать, в каком отношении им не хватает гибкости и широты, чтобы включить в себя то знание, что соответствует уровню сверхразумного Гноиса и производно от него. Тем самым я подготовлю почву для дальнейшего исследования, а также дам читателю возможность убедиться в том, что оно действительно необходимо. Наш мысленный путь начнется в долине натурализма, затем он будет медленно подниматься через владения неореализма, прагматизма и идеализма, пока, наконец, мы не достигнем

горной вершины интроцептуализма (introceptualism). Этим термином — «интроцептивный идеализм» — я обозначил итог своих многолетних трудов по созданию философского синтеза, который в ряде отношений является принципиально новым.

Натурализм

Термин «натурализм» указывает на три самостоятельных направления философской мысли, сходство которых состоит в том, что все они объясняют происхождение нашего опыта влиянием внешних сил и объектов, а последние рассматривают как сугубо естественные и посюсторонние. Речь идет о натурализме (в широком смысле), материализме и позитивизме*.

Натурализм в широком смысле

В своем наиболее общем и наименее уязвимом для критики виде натурализм представляет собой более или менее абстрактный философский подход, который пытается объяснить все сущее, указывая на естественные причины и процессы в том смысле, в каком они соответствуют *норме***. Таким образом, натурализм изначально отказывается рассматривать в качестве аргумента любые события и процессы, которые можно назвать

* Последние два в принципе исключают все то, что может считаться духовным или трансцендентным. — Прим. авт.

** Автор имеет в виду философское течение (весьма неоднородное), сложившееся в 1920–40-е годы в США. Природу натуралисты понимали предельно широко: это не дух и не материя, а реальность. — Прим. перев.

сверхъестественными или выходящими за пределы нормы. Следовательно, он исключает любую интерпретацию, которая опирается на мистическое Озарение, Просветление или любой другой необычный компонент опыта. Однако этот вид натурализма не стремится дать всему объяснение на языке одной лишь физики (например, механики). Обычные проявления жизни и разума тоже воспринимаются им как нечто совершенно естественное, хотя они и не укладываются в рамки физических теорий. Таким образом, внимание здесь акцентируется скорее на *привычной норме*, чем на самой концепции, которая сводит все сущее к материи и взаимодействию физических сил. Такой натурализм весьма распространен и, по-видимому, является вполне обычным среди лиц свободных профессий, мировоззрение которых опирается на какую-либо из естественных наук в ее теоретическом или прикладном аспекте.

Натурализм в таком — максимально широком — понимании может иметь (и действительно имеет) позитивное значение, пока он рассматривается всего лишь как эвристический принцип. Нередко он служит хорошей защитой от чрезмерной игры воображения, вымыслов и суеверий, вред от которых вполне очевиден. Однако натурализм начинает играть отрицательную роль, когда вместо того, чтобы служить простым эвристическим принципом, он превращается в догматическую установку — «природа есть альфа и омега», — лежащую в основе объяснения всех простых и сложных компонентов человеческого опыта.

В наши дни такая установка бытует среди биологов, психологов и социологов, равно как и среди представителей технических профессий. Что же касается тех, кто работает на переднем крае современной физики, то среди них приверженность натурализму, судя по всему, становится все слабее. И это

весьма показательный факт. Многие положения современной физики звучат скорее как трансцендентализм, чем натурализм. Возможно, в обозримом будущем и представители других профессий осознают значение этой тенденции.

Материализм

В отличие от обычного натурализма, который может означать лишь эвристическую установку, материализм — это философская теория. Ее сторонники «полагают, что все факты универсума можно объяснить в понятиях тела и материи. При этом материя рассматривается ими как непостижимая до своих последних глубин субстанция, несотворенная, бесконечная и пребывающая в постоянном движении»*. Эта концепция пытается объяснить буквально всё, включая явления психики и феномены сознания, процессами на уровне материальных частиц. Материалистами были те, кто заявил, что мысль выделяется мозгом подобно тому, как желчь выделяется печенью, а человек есть то, что он ест. В целом материалистическая философия настолько груба, непроницательна и некритична к самой себе, что едва ли заслуживает серьезного внимания. Сегодня чистыми естественниками, нередко приверженцами философского натурализма [отрицающего все сверхприродное], остаются лишь ортодоксальные материалисты, поскольку — в полном соответствии со своей теорией — им слишком хорошо известен постулируемый характер любых понятий и принципов, чтобы они позволили себе впасть в ошибку гипостазирования и принимать их за нечто сущее само по себе в некой идеальной Реальности.

* Статья «Материализм» / Dictionary of Philosophy and Psychology. Ed. by J. M. Baldwin (1901–1905). 2nd edn. New York: MacMillan, 1925.

Хотя настоящие ученые редко являются материалистами по своим философским взглядам, сегодня материализм играет довольно важную роль в социологической теории и социальной практике. Марксизм, или так называемый научный социализм (scientific socialism), — это учение, имеющее ярко выраженный материалистический характер. Его также называют диалектическим материализмом. Нужно сказать, что этот вид материализма весьма отличается от того механистического материализма, определение которого приводилось выше; не совпадает он и с биологическим материализмом, выросшим из учения Чарльза Дарвина. И все же, с безусловно материалистических позиций марксизм трактует проблемы гносеологии, онтологии и социальной философии.

1. Он утверждает антипозитивистскую гносеологию* реализма, о чем свидетельствует высказывание Ленина: «Единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть *объективной реальностью*, — существовать вне нашего сознания»**.

Хотя выражение «существовать вне *нашего сознания* (курсив мой. — Ф. М.-В.)» совсем не обязательно озна-

* В оригинале — *epistemology* (от греч. *episteme* — знание, *logos* — учение). Обычно эпистемологию отождествляют с гносеологией (от греч. *gnosis* — знание, *logos* — учение). Оба термина означают теорию (по-) знания. Различие состоит в том, что гносеологию интересует главным образом познающий субъект, а эпистемологию — знание как система. Меррелл-Вольф, как правило, имеет в виду именно гносеологическую проблематику, поскольку работает с оппозицией «субъект — объект», а не «идеальный объект — система знания». — Прим. перев.

** Цитата приводится по изданию: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм / ПСС. Т. 18. С. 275. — Прим. перев.

чает «существовать вне сознания вообще», анализ общего контекста диалектического материализма показывает, что именно это и имеется в виду. Кроме того, по сути выступая против идеи позитивистов отказаться от любой метафизики, материализм делает утверждение чисто метафизического характера, согласно которому материя существует объективно, т. е. независимо от познающего субъекта. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы составить представление о сути материалистического учения.

2. Марксизм всячески подчеркивает диалектический характер движения в природе и обществе. Сама концепция диалектического движения заимствована из философии Гегеля, однако ей придается диаметрально противоположное значение, что с очевидностью следует из слов Маркса: «Для Гегеля процесс мышления (который он превращает в своего рода субъект под названием [Абсолютной] идеи) является творцом реальности. При этом сама реальность оказывается всего лишь внешним проявлением идеального начала. Для меня же, напротив, идеальное есть лишь результат материальных процессов, происходящих в человеческом мозге»*.
3. Марксизм также отстаивает трудовую теорию стоимости, согласно которой: а) стоимость товара определяется трудом, затраченным на его производство, б) созидательную деятельность человека, даже интеллектуальную, можно свести к более или менее сложным формам физического труда. Эта концепция не является творением Маркса,

* Статья «Социализм» / Encyclopaedia Britannica, 9th ed.

однако он разворачивает следующие из нее выводы с неуклонной последовательностью.

Ей противостоит субъективная теория стоимости, которая гласит, что ценность товаров и услуг определяется желаниями людей [получить максимум благ в результате экономических отношений]. Это совершенно нематериалистический подход, поскольку субъективная оценка [полезности товара] рассматривается как решающий фактор ценообразования. Одно из следствий такого подхода состоит в том, что в марксистской программе возможности проявления индивидуальных потребностей и предпочтений ограничены, поскольку стоимость товаров и услуг определяется затратами производителя, а не желаниями конечного потребителя.

Материалистическая теория не оказывает большого влияния ни на общество, ни на другие школы мысли, тогда как материалистическая практика в форме марксизма превратилась в чрезвычайно влиятельную социальную, политическую и экономическую силу. Это позволяет понять, какую важную роль играет материализм в действительности. Как уже говорилось выше, этические особенности этого движения [тенденция к ограничению желаний и потребностей] не привносят ничего, что было бы чуждым его исходным принципам. На изучающего диалектический материализм не может не произвести впечатление то, сколь последовательно идеи Маркса и Ленина воплощаются в жизнь. Глядя на плоды этого учения, у нас есть прекрасная возможность понять с чисто прагматической точки зрения, что же собой на самом деле представляет материализм.

Позитивизм

В философском плане, наибольшего внимания заслуживает третья форма натурализма, известная как позитивизм. От материализма его отличает то, что он не гипостазирует идеальные объекты. Он опирается на данные естествознания в не меньшей степени, чем материализм, однако при этом ориентируется скорее на практический метод науки, нежели на философское измерение научных концепций. По сути, «это учение, утверждающее возможность познания всего, что есть в универсуме или в человеческом опыте. Для этого достаточно использовать методы точных наук, а сами объяснения следует выстраивать на основе современных научных представлений; так, например, психические процессы и даже причины нравственного поведения человека можно описывать на языке естествознания. Поэтому позитивизму лучше всего подходит отрицательное определение: это система, которая исключает все духовное, или трансцендентное»*.

Таким образом, очевидно, что позитивизм (по крайней мере в теории) исключает из области достоверного знания любой элемент, который является априорным, или сугубо умозрительным. Если же позитивизм рассматривает термины, категории и методы [эмпирической] науки как единственный достоверный исток нашего знания, то он не оставляет места ни для чего, что могло бы быть связано с каким-то иным, не-эмпирическим способом познания.

Обычно слово «позитивизм» тесно ассоциируется с именем Огюста Конта. Однако здесь мы будем использовать этот

* Статья «Натурализм» / Dictionary of Philosophy and Psychology.

термин в более широком смысле. Это позволит нам отнести к позитивистам Локка, Юма и Спенсера, равно как и ряд других мыслителей, которые, несмотря на приверженность натурализму, все же слишком требовательны к своему мышлению, чтобы впадать в наивные ошибки материализма. Можно сказать, что основное отличие позитивизма от обычного натурализма, которого мы уже коснулись выше, заключается в том, что он более последователен и развит в чисто философском отношении.

Вероятно, из существующих философских систем позитивизм ближе всех стоит к естествознанию. И все же, от частных наук его отличает то, что он считает их методы познания абсолютно безошибочными. Однако эмпирические науки описывают свои данные с помощью идеальных моделей, которые имеют лишь прикладную, а потому весьма преходящую ценность. Таким образом, частные науки не обладают глубочайшей истиной и даже не притязают на это. Они обладают лишь «*warranted assertibility*» — *работоспособными суждениями*, если использовать выражение Джона Дьюи. Поэтому на вопрос, является ли такая работоспособность (идей и гипотез) окончательной формой знания, не может ответить ни одна из частных наук. Это исключительная прерогатива философии, но прежде чем мы сможем получить удовлетворительный ответ на него, нам следует рассмотреть, по крайней мере, саму возможность мистического или сверхразумного познания, которое совершенно не укладывается в рамки естественно научной парадигмы.

Итак, позитивизм — это философская система взглядов, которая, опираясь на научный метод, утверждает, что работоспособность научных суждений является высшей формой развития всего положительного знания.

Позитивизм не столько утверждает, что нет никакой сверхчувственной, или ноумenalной Реальности, сколько встает на позиции агностицизма относительно самой возможности Ее существования. Так, например, Спенсер именует ее «Непознаваемым», а затем просто исключает из сферы своего внимания как несоответствующую жизненным потребностям человека. Мы готовы согласиться с тем, что такую, ноумenalную Реальность невозможно познать с помощью естественно научных методов. И если бы Спенсер имел в виду только это, он был бы совершенно прав. Однако позитивист идет дальше, категорично и бездоказательно утверждая, что научная форма познания является единственно возможной. Таким образом, непостижимое для естественных наук вдруг преподносится как то абсолютно Непознаваемое, о самом существовании которого мы даже не имеем права задумываться.

Критика позитивизма не предполагает критику одного лишь естествознания, ибо последнее не может ответить на вопрос, является ли научная форма познания единственной возможной. Критический взгляд со стороны позволяет объективно определить границы и ценность научного знания как такового. Сравнивая его с другими видами знания (например, такими как мистическое), мы могли бы лучше понять, в чем заключается природа самой науки. Пока же мы пришли к выводу, что работоспособность идей — последнее слово естествознания, однако такая форма знания отнюдь не является его вершиной. Именно этот вопрос, — можно ли считать работоспособность научных идей окончательной формой чистого знания, — выявляет слабое место не только позитивизма, но и натурализма в целом. Вообще нужно сказать, что позитивисты никогда не уделяли этому вопросу должного внимания.

Предположим, у нас есть возможность, опираясь на сугубо научные методы, ответить на вопрос «Существуют ли наряду с чувственным восприятием и абстрактным мышлением какие-либо иные способности познания?» Не этот ли подход, по сравнению с догматическими утверждениями, в наибольшей мере соответствует фундаментальным установкам позитивизма? Вполне очевидно, что любые способности или способы познания могли бы стать достойным предметом научного исследования. Конечно, положительные выводы, следующие из него, приняли бы форму работоспособной гипотезы, поскольку это все, что нам может дать научный метод. Однако это было бы признанием того, что наряду с научным способом познания, вероятно, существует и какой-то иной. Такое признание, по крайней мере, оправдало бы саму попытку разработать практические приемы, соответствующие предполагаемому способу познания, наделив их тем же значением, каким они обладают в других областях научного поиска. Этот предполагаемый способ не смог бы стать частью научного познания, радикально не изменив в ряде моментов форму и содержание самой науки, но в любом случае это заставило бы ученых признать хотя бы факт существования альтернативных способов получения информации.

Стоит отметить, что исследования такого рода ведутся уже много лет. Я имею в виду исследования в области экстрасенсорного восприятия. Они охватывают способности телепатии, ясновидения и телекинеза. Хотя знание, получаемое с помощью этих способностей, несопоставимо с тем, что открывается на уровне сверхразумного Гнозиса, сам факт их признания ведет за пределы естественнонаучного метода. До настоящего времени результаты подобных исследований были весьма обнадеживающими. Конечно, о них сообщали осторожно, как

о подтверждении работоспособности тех или иных гипотез, а не преподнося как откровение, и это вполне объяснимо. Тем не менее становится все более очевидным, что получаемые экстрасенсами данные отнюдь не являются случайными. Не понимаю, как можно подвергнуть сомнению результаты этих экспериментов, если мы признаем авторитет теории вероятности. Теперь благодаря подобным исследованиям экстрасенсорное восприятие можно рассматривать как факт, степень достоверности которого вполне допустима для тех областей, который образуют сам корпус научного знания.

Что же теперь стало с предположением позитивизма, согласно которому возможен лишь один вид настоящего знания, а именно — научный, когда сама же наука установила факт существования ненаучных форм познания? Оспаривание этого факта привело бы к сомнению в надежности самой науки. Некоторые ученые оказались перед трудным выбором: либо согласиться с аргументами агностицизма и бескомпромиссно отрицать достоверность любого вида познания, включая научное, либо допустить принципиальную возможность ненаучного способа получения информации наряду с использованием сугубо научных методов.

Из сказанного выше неизбежно следует, что позитивизм просто ошибочен, коль скоро он категорически отрицает или, по крайней мере, не предполагает саму возможность обретения сверхъестественного, трансцендентного, или духовного знания. Как видим, его осуждает и сама наука, на авторитет которой он постоянно ссылается. И если сугубо научными методами была установлена достоверность информации, полученной с помощью телепатии, ясновидения и т. д., то следующим шагом на этом пути может стать признание тех форм ненаучного знания, которые связаны уже не с экстрасенсор-

ным, а с экзистенциальным качеством опыта — особенно когда о нем свидетельствуют люди, компетентность и научные достижения которых получили всеобщее признание.

Разумеется, позитивизм может сохранить определенное значение как эвристический принцип, если, конечно, использовать его в разумных пределах. Ему также следует отдать должное как своего рода вакцине от излишней доверчивости. Вне всяких сомнений, научный метод — весьма ценное средство познания. До тех пор, пока он не получает право решающего голоса.

Рассматривая натурализм в целом, без учета специфики тех форм, которые он принимает, его основной принцип можно было бы назвать реалистическим. Современный реализм, в отличие от средневекового, представляет собой «учение, согласно которому реальность существует независимо от того, каким образом она является познающему сознанию или же в каких формах она им познается»*.

Согласно этому подходу, познаваемая реальность отличается по своей природе от познающего сознания и существует независимо от него. И все же нельзя сказать, что реализм — это просто другое название натурализма, поскольку он охватывает значительно больший диапазон проблем. В этом смысле с натурализмом можно было бы соотнести неореализм, равно как и наиболее развитое крыло прагматизма**. Из трех указанных выше школ натурализм наиболее последователен в отстаива-

* Статья «Realism» / Dictionary of Philosophy and Psychology.

** Речь идет о направлении, противоположном идеалистическому прагматизму Ф. Шиллера.

ний тезиса об исключительно объективном характере реальности, находясь таким образом на противоположном полюсе от идеализма. Кроме того, из всех типов философских учений, которые получили развитие на Западе, он в наибольшей степени противоречит взгляду, излагаемому во второй части нашего исследования. Следовательно, для того чтобы подготовить почву для изложения философии интровертивного опыта, нам предстоит исследовать основные положения тех систем, которые указывают на объективный и независимый от познающего сознания характер реальности. Собственно реалистический подход мы рассмотрим чуть позже (в третьей главе), а пока сделаем выводы относительно натурализма.

Как и другие философские школы, натурализм имеет свои сильные стороны. Однако не менее верно и то, что он весьма ограничен в остальных отношениях. Он может оказывать положительное влияние на эмпирическую науку, при условии если избавится от склонности к весьма категоричным и неоправданно широким обобщениям. Даже при том, что натурализм опирается на выводы естественнонаучных дисциплин, он не уделяет должного внимания проективной стороне всего того комплекса знаний, который мы называем наукой, хотя элементы идеальных гипотетических моделей имеют как минимум такое же значение, как и эмпирические данные. Наука — это не просто набор эмпирических фактов; это еще и логически организованная система, являющаяся результатом особой направленности сознания. Таким образом, наука — это сочетание фактов, системы отсчета и предметной ориентации. Следовательно, философское учение, претендующее

Если натурализм признает единственной реальностью природу, то нео-реализм и прагматизм отождествляют природу с опытом, в котором сочетаются чувственный и когнитивный компоненты. — Прим. перев.

на научную обоснованность, наряду с фактическими данными должно учитывать и ту систему отсчета, благодаря которой эти данные вообще были получены. Иными словами — оно должно выполнять функцию критики, позволяющей определить подлинное значение не только фактических, но и предметных, системных и логических компонентов научного знания. Этого натурализм сделать не в состоянии или, по крайней мере, не в состоянии сделать удовлетворительным образом. Конечно, это не означает, что у представителей натурализма нет выбора или что они не могут прийти к его пониманию логическим путем. Скорее, причины их поражения (практически полного) заключаются в том, что они просто отказываются критически исследовать саму область научного знания. С этой точки зрения, три остальные философские школы — идеализм, прагматизм и неореализм — являются более полными и в этом смысле более совершенными.

Даже в качестве философской системы, основанной на фактических данных науки, натурализм как теория принципиально ограничен, поскольку в основном ориентирован лишь на физику. Хотя он мог бы ориентироваться также на биологические науки или на всю совокупность форм научного знания. Тогда в нашем распоряжении был бы уже более полный и более совершенный натурализм. Нужно признать, что такой вариант натурализма проявляется как в неореализме, так и в прагматизме. Действительно, большую часть прагматизма можно рассматривать как натурализм, опирающийся на категории биологических наук. Однако даже в таком своем виде натуралистическое мышление остается крайне несовершенным.

Если исходить из того, что предметом подлинной философии является весь диапазон человеческого сознания, его

опыта, интересов, установок и так далее, то любая философская система, которая учитывает данные одной лишь науки, будет весьма далека от того, чтобы мы сочли ее полной и совершенной. Весьма и весьма сложную природу человека нельзя сводить к той ее части, которую интересует исключительно научное познание. Так, мы наделены физической, витальной и ментальной природой. Поэтому в нас присутствуют самые разные тенденции и стремления — как рациональные, так и не-рациональные. Отнюдь не все они принимают участие в научных изысканиях. Есть целые сферы человеческого опыта — этического, эстетического, духовного или религиозного, — которые по самой своей сути отличаются от научного. Изучая их проявления в мире объектов, наука не становится от этого более универсальной. Она получает множество фактических данных, оставаясь за пределами того смысла, который они в себе несут. Здесь нам может помочь лишь одна философия, поскольку она исследует и мир фактов, и мир смысла.

С этой точки зрения, натурализм потерпел практически полное фиаско. В частной переписке его представителей ино-гда встречаются указания на другую, внутреннюю, сторону человеческой природы, однако совсем не такие, которые бы соответствовали ее истинному пониманию. Например, Маркс полагал, что религия — «опиум для народа». Хотя в истории человечества можно найти немало примеров того, что относится к проявлению собственно религиозного сознания, и все же является несколько лучшим, чем опий*. Судить таким

* В полном контексте это выражение звучит не так одиозно: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (Цит. по: Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. С. 415). Кроме того, нужно учитывать, что в Европе XIX века опий использовался как обезболивающее средство и не считался наркотиком. — Прим. перев.

образом о религии в целом не более разумно, чем принимать, подобно дикарю, научные приборы за орудия ритуальной магии. Во всем, что касается внутренних измерений опыта, суждения натурализма либо поверхностны, либо абсолютно ошибочны. Поэтому, даже признавая положительный вклад этой школы, мы не должны закрывать глаза на ее явную ограниченность и некомпетентность.

Природа мистических состояний сознания

Безусловно мы можем быть уверены только в том знании, которое касается непосредственного содержания различных состояний нашего сознания. Когда мы интерпретируем эти состояния как присущие чему-то иному, или производные от чего-то иного, или означающие что-то иное, чем само наше сознание, мы выходим за пределы [доступного нам] диапазона достоверного знания. Всё необходимое для существования состояний сознания заключается в них самих. Остальные объяснения суть домысливание или экстраполяция желаемого и принятие его за действительное (*mere speculation or extrapolation of wishful thinking*)*. Как мы уже показали выше, этот вывод справедлив в отношении любого опыта: какие бы состояния, непосредственно данные и достоверно известные сознанию, мы ни взяли, — обычные чувственные или мистические сверхчувственные, — объяснение их возникновения внешними причинами [тем или этим миром] в равной мере не выдерживает критики. С другой стороны, если — вслед

* Из контекста следует, что экстраполяцию такого рода автор рассматривает как гипостазирование. — Прим. перев.

за философами майявады* — перестать приписывать реальность внешнему миру объектов, это не поставит под сомнение реальность самих состояний сознания**. Наряду с майявадой есть и такие философские системы, которые последовательно отрицают предполагаемое существование за пределами непосредственного опыта не только физического мира, но и любых иных миров. И все же сравнительно немногие люди способны принять в качестве своего способа мысли и образа жизни эти абсолютно последовательные и строго выверенные системы. Большинство придерживается совсем других взглядов, будучи уверено в реальности либо земного мира, либо небесного, либо того и другого вместе.

Итак, на данный момент можно выделить три или четыре направления в интерпретации опыта.

1. Физический мир вещей и людей можно рассматривать как реальность, а идеальный — как нечто зависимое от него и производное. Такова точка зрения материализма. Для того, кто ей следует, экстраполируемый внешний мир оказывается единственным реальным, а внутренний мир сознания — лишь отражением внешнего.

Материалистическое мышление — попытка объяснить внутренние переживания тем, что неизвестно и в любом

* Майявада — учение о мировой иллюзии (майе). Майя одновременно и реальна (так как мы воспринимаем материальный мир), и нереальна (ибо она не обладает собственной реальностью — подлинным бытием обладает лишь Брахман). — Прим. перев.

** Скорее, это будет отказ от веры в реальность экстраполяций. И хотя сама по себе экстраполяция может быть специальным приемом мышления, она, как правило, происходит безотчетно, помимо сознания. Это своего рода привычка, переходящая из поколения в поколение. — Прим. авт.

случае непознаваемо. Подобная интерпретация опыта побуждает человека выстраивать всю свою жизнь на основе мифа об абсолютной реальности внешнего мира. Естественная установка такого рода очень распространена. Она пронизывает большую часть научных трудов, авторы которых не задумываются над вопросами теории познания. Социальная философия марксизма отстаивает эту позицию как в теории, так и на практике. Мы полагаем, что крайности данной позиции можно скорректировать признанием непосредственной данности сознанию образов чувственного восприятия, окрашенных различными эмоциональными состояниями.

2. С точки зрения спиритуализма*, духовные миры реальны, а наш мир призрачен. Соответственно, боги живут подлинной жизнью, а люди (воплощенные души) — как тени среди теней. [Опять же, мы имеем дело с экстраполяцией, но уже не грубого, а тонкого мира]. По-видимому, немногие разделяют этот подход.
3. Можно также считать, что земной и небесный миры не исключают реальность друг друга, а существуют сами по себе. Вероятно, это позиция большинства религий (в т. ч. христианства), и у нее есть великое множество сторонников, особенно среди обычных людей. Она более последовательна, чем материализм и спиритуализм, однако допускает все ту же ошибку, рассматривая как данность [не собственный опыт сознания, а] то, что является лишь экстраполяцией. [Причем двойной в данном случае].

* В его изначальном смысле — как философского направления. — Прим. авт.

4. Можно придерживаться и прямо противоположной позиции, тоже весьма распространенной*. Мы коснулись ее в самом начале этой главы. Благодаря ей стало возможным создание нашей философской системы — философии безобъектного сознания. Тот, кто знаком с учением [Махаяны] об истинной природе ума, несомненно, увидит сходство с нашей концепцией. Она утверждает, что земной мир и небесный (а также их обитатели) суть явление. И в этом качестве все миры реальны в равной степени**. Если понять эту позицию правильно, то обнаружится, что мы не теряем ни грана смысла. Напротив, она разбивает и отбрасывает цепи рабства и страха, которые служат вечной причиной человеческих страданий.

В конце предыдущей главы я перечислил девять состояний, характерных для мистического опыта. Возможно, не все они наблюдаются в каждом конкретном случае, но те или иные присутствуют обязательно. Далее я предлагаю их интерпретацию в свете той философской системы, которая представлена в данной книге.

Многочисленные попытки объяснить природу этих состояний не увенчались успехом только потому, что сама проблема их толкования была поставлена неверным образом. Предполагалось, что исходная реальность того или иного состояния сознания заключается в чем-то ином, нежели само это состояние. На самом же деле именно состояние сознания и заключает в себе свою собственную реальность. Именно не-

* Позиции буддизма, согласно которой нет ни этого мира, ни иного, а есть лишь поток дхарм (элементарных состояний сознания). — Прим. перев.

** Как формы, которые принимает непосредственный опыт сознания. — Прим. перев.

посредственно переживаемое состояние сознания наделяет реальностью воображаемое, предполагаемое или кажущееся бытие (иное, чем бытие самого сознания), а не наоборот. Следовательно, *не переживание Присутствия* указывает на божественную Реальность, *а понятие божественной Реальности или образ Бога* указывает на *переживание Присутствия*. Переживание реально, тогда как понятие или образ — экспроприация этой Реальности*. Нет никакой необходимости интерпретировать переживание Присутствия как указание на нечто за пределами его самого. Чтобы понять самую суть того или иного состояния сознания, нам достаточно самого этого состояния. Тот, кто осознал Присутствие, уже не нуждается в его объективациях. Он и есть та самая Реальность, которую называют Божественной. Присутствие познается через тождество с Ним. Если же мы рассматриваем Присутствие как явление чего-то иного, нежели само это Присутствие, то тем самым впадаем в иллюзию. Присутствие — это сама полнота Жизни. Это само наше Сознание. Это естественное Его состояние. Если человек всегда находится в этом состоянии, то идея Присутствия у него, вероятно, даже не возникает. Только те, кто вел противоестественный образ жизни, предаваясь грязам наяву, могутствовать возникновение состояния Присутствия, потому что последнее создает контраст с их обычным аномальным состоянием. Осознание Присутствия — верный признак того, что безумный человек стал наконец-то нормальным. Обычно же Присутствие считается редким и даже весьма странным состоянием сознания. И всё потому,

* Тогда в предельных понятиях — «бытие», «единство», «бесконечность» и т. д. — можно выделить собственно логический смысл и тот, который в них привносит сознание. Последний в таком случае позволяет понять аспекты Реальности самого нашего сознания, чтобы вернуться к нему и погрузиться в их непосредственное переживание. — Прим. перев.

что большинство «нормальных» людей смотрит на Реальность глазами обитателей сумасшедшего дома*. А для тех, кто действительно нормален, состояние Присутствия настолько естественно, что они постоянно живут в Нем, даже не отдавая себе в этом отчета.

В обычной речи мы используем слово «присутствие» в значении «присутствие чего-либо или кого-либо [иного, чем мы сами]». Это совсем не то, что имеет в виду мистик, когда говорит о Присутствии, хотя надо признать, что если он не проводит ясного различия между собственно мистическим переживанием и воспоминанием о нем на фоне обычных состояний сознания, то возможно смешение мистического значения слов с обыденным. Словарное определение присутствия как «состояния пребывания здесь и сейчас» полностью соответствует тому смыслу, который мистик вкладывает в это слово. [Воспринимая феноменальный мир объектов], он не выходит из состояния самоосознания. Если наше обычное внимание всегда носит центробежный характер, то мистическое внимание обращено к самому центру нашего бытия. Сохранять центростремительную направленность своего внимания — и значит осознавать Присутствие.

Рассуждая о данном предмете, Джеймс Леуба и Уильям Джемс связывают мистическое осознание Присутствия с «чувством присутствия». Нередко люди ощущают, что некто или нечто находится где-то поблизости, как бы пропустив из другого измерения в наше пространство. И тогда возникают разные, более или менее отчетливые, ощущения. Как правило, они вызывают страх, который способен перерасти в состояние ужаса. Такого эффекта удалось добиться и в экс-

* Т. е. через призму экстраполяций. — Прим. перев.

периментальных условиях. Со своей стороны могу сказать, что с неуправляемым страхом я не сталкивался никогда, хотя у меня и было несколько переживаний, напоминающих то, о чем пишут Джемс и Леуба.

Было это вечером. Мы остановились на привал. Рядом протекала горная река. Вдруг я услышал, как меня кто-то окликнул по имени. Я подумал, что этот голос принадлежал человеку, который должен был подойти с минуты на минуту. Однако его еще не было, а на сам голос никто, кроме меня, не обратил никакого внимания. Оглядевшись по сторонам, я так и не смог определить, откуда он исходил. Зато с удивлением заметил, что меня начинает бить нервная дрожь, холодными волнами пробегавшая вдоль спины то вверх, то вниз. Неприятное состояние затягивалось. Возник страх, с которым, как оказалось, было довольно трудно справиться. Анализ ситуации не помогал вернуться в прежнее состояние. Я еще больше отделился от эмоций и невероятным усилием воли восстановил контроль. В тот момент я даже не догадывался, что именно могло вызвать такую реакцию. Одна часть моего сознания наблюдала за происходящим с исследовательским интересом. А другая, совершенно независимо от первой, испытывала крайний дискомфорт, как будто рядом действительно находилось что-то враждебное. Полагаю, это и было то самое чувство присутствия, поскольку его описания, оставленные другими людьми, содержат много общего с тем, что я пережил. В таком случае могу сказать со всей определенностью, что подобное чувство даже отдаленно не напоминает собой мистическое осознание Присутствия. Скорее, это полная его противоположность, поскольку оставляет после себя ощущение вторжения чего-то глубоко чуждого или, точнее, уже самой угрозы такого вторжения.

Подлинное осознание Присутствия, напротив, означает освобождение от всего чужого и возвращение к своему. (Эти слова я использую примерно в том смысле, какой им придавал Шпенглер)*. Если мистическое осознание Присутствия возникает в результате центростремительного движения, то чувство присутствия — в результате центробежного. Первое предполагает интеграцию [состояний сознания], а второе — [их] дезинтеграцию. «Осознавать Присутствие» значит «быть Дома» в самом глубоком из всех возможных смыслов: быть в состоянии истины; быть в полном порядке; быть всем, чем действительно нужно быть; быть в здравом уме, наконец. Во все времена и во всех школах внутреннего развития обретение этого состояния считалось наиболее желанным. Таким образом, контраст между чувством присутствия и осознанием Присутствия носит принципиальный характер. Если же ученый не замечает различий между ними, то он сбивается с истинного пути и отклоняется от него тем дальше, чем дольше он занимается изучением мистических состояний.

Подлинная Реальность постигается в тот момент, когда все, что казалось чужим и далеким, вдруг становится близким и своим. Иллюзорные экстраполяции исчезают, когда понимаешь, что непосредственная причина всех состояний сознания — не то, что находится рядом в пространстве или где-то в ином измерении, а само же сознание. Для понимания смысла своих состояний нам не нужно заниматься поисками внешних причин, поскольку эти состояния даны нам самым непосредственным образом. Они таковы, каковы они есть для нашего сознания. Они не могут нанести ему какой-либо

* Своё Шпенглер называл душой, а чужое — миром. — Прим. перев.

вред, так как сознание — единственное, что поддерживает их существование.

Непосредственный опыт мистика сам о себе свидетельствует. Таким образом, осознание Присутствия — это осознание и всех тех состояний, которые Оно в себе заключает: Освобождения, Покоя, Безопасности, Единства, Гармонии и т. д. Однако это не означает, что в мистическом опыте обретается нечто новое. Это значит, что человек перестает опираться на миражи и проникаться теми переживаниями, которые с ними связаны. Пока его внимание приковано к объективному полюсу опыта, он чувствует себя скованным, волнующимся, беззащитным, потерянным и пребывает в постоянном разладе с самим собой. Когда же основная часть его внимания переносится на субъективный полюс, те состояния, которые были всегда, но почти не осознавались, начинают усиливаться. И если обычные состояния сознания воспринимались им с отрицательным знаком, то пробудившиеся мистические начинают восприниматься с положительным. Новым в мистическом опыте является скорее знак состояний сознания, чем они сами. При этом мистическое осознание Присутствия не доказывает существование Бога-Творца, зато полностью опровергает реальность миражей-экстраполяций.

Часто мы не вполне ясно различаем цели и средства. Например, пища — не цель, а средство обрести состояние сытости. Отношения с другими — не цель, а средство удовлетворения потребности в общении. Путешествие (турне или экспедиция) тоже не цель, а средство получения новых впечатлений. Бог — не цель, а средство осознания Присутствия. В том же духе можно проанализировать все поиски и стремления обычной человеческой жизни и обнаружить, что все они обладают

ценностью лишь в той мере, в какой способствуют обогащению непосредственного опыта самого сознания*. Однако тот, кто нашел внутренний ключ к пониманию причины всех своих состояний, уже не нуждается в тех внешних средствах, которые обычно так занимают мысли людей, пребывающих в мире иллюзий. Именно этого позволяет достичь подлинное мистическое Пробуждение. Вот почему уверенность мистика абсолютно оправданна. Он не верит в то, что внешние средства способны породить все богатство его внутренней жизни. Он уверен в своем непосредственном знании подлинной причины всех своих состояний. Наука, которой подвластен лишь мир внешних средств и причин, становится совершенно бесполезна, когда пытается опровергнуть уверенность мистика в том, что известно ему самым непосредственным образом.

Действительно, когда мистик пытается объяснить мистические состояния на языке относительного сознания, он может не заметить различия между [субъект-объектной] логикой этого языка и [чисто субъектной] логикой непосредственного опыта, давая тем самым повод для недоброжелательной критики со стороны тех, кто пребывает в мире объектов. Пробуждение не наделяет мистика правом говорить что есть что в царстве науки, изучающей внешние средства и причины. Оно дает ему особый взгляд на мир, который позволяет так интерпретировать естественнонаучные проблемы, что те становятся средством обретения мистических состояний. Однако при этом ему приходится работать с теми данными, которые доступны для понимания людей, не обладающих мистическим сознанием. При этом чистое знание мистика продолжает

* Здесь Меррелл-Вольф формулирует принцип мистического pragmatизма: значение или ценность объекта определяется тем, что мы знаем о переживаемых в связи с ним состояниях. — Прим. перев.

отличаться от того, которое ему удалось выразить на языке обычного сознания.

Характерной особенностью мистического состояния сознания Джемс считал переживание силы, которая овладевает человеком или осеняет его свыше. Анализируя эту точку зрения, Леуба указывает, что представление о высшей силе содержит в себе не только сообщение о непосредственном опыте. Оно включает в себя также сравнение, а значит и оценочное суждение относительно того, какое переживание считать низшим, а какое высшим. Эту критику следует признать справедливой. Действительно, когда пребываешь в мистическом состоянии сознания, о нем нельзя говорить как о чем-то высшем. Ведь чем глубже оно становится, тем меньше в нем проявляется привычка разума сравнивать. В чистом мистическом состоянии она растворяется полностью. Мне этот процесс довольно хорошо знаком, поэтому я могу его описать. Это все равно что попытаться проследить за прогрессией бесконечного ряда настолько, насколько это вообще возможно. Суждения становятся все более тонкими, а понятия — все менее конкретными, пока наконец, на уровне самой высокой абстракции, не начинают растворяться в состоянии, где самого мышления уже не существует. Дальше этой черты я не иду, если не хочу останавливать работу интеллекта. В любом случае, результат развития той или иной мысли уже известен — практически в том же смысле, в каком известно существование итоговой суммы сходящегося бесконечного ряда. Таким образом, интеллект может предположить существование итоговой суммы этого ряда, не пытаясь последовательно сложить бесконечное число его членов. Знание итоговой суммы находится за пределами интеллекта, однако для математика факт ее существования не является от этого менее достоверным. В таком случае чистое

мистическое. Осознание можно уподобить реальному завершению того, что для интеллекта всегда будет оставаться лишь потенциально возможным. В принципе интеллект способен понять, что такое завершение сходящегося бесконечного ряда. Однако в кульминационной точке схождения закончится и сам процесс мышления. Поэтому то, как далеко интеллект сможет сопровождать углубляющееся мистическое состояние, зависит только от способности человека к проведению тонких различий.

Для чистого мистического состояния не существует ни высшего, ни низшего, потому что мистик выходит за пределы всего относительного. Само разделение на высшее и низшее носит сугубо интеллектуальный характер. В обычном опыте естественной системой отсчета служит земля. То, что подчиняется действию силы тяжести, является низшим, а что противодействует — высшим. Например, подводная лодка опускается на дно, а самолет поднимается к небесам. Однако если мысленно убрать землю как систему отсчета и оставить только эти два объекта, то уже нельзя будет сказать, какой из них опускается, а какой поднимается. Они будут просто двигаться в противоположных направлениях. Только по направлению действия силы тяжести можно определить, с каким движением мы имеем дело — восходящим или нисходящим. Аналогичным образом эта модель работает и в отношении состояний сознания. Силу тяжести можно уподобить привязанности внимания к миру объектов, а ей противоположную — обращенности внимания к субъективному полюсу опыта. С точки зрения интеллекта, мистическое сознание движется прочь от объектов, а значит, стремится обрести переживание чего-то высшего. Если речь идет о силе, то — обрести переживание высшей силы. Однако в абсолютном смысле [т. е. вне

субъект-объектной дихотомии] не существует ни высшего, ни низшего.

Есть и другой смысл, в котором мы обычно используем понятия «высшее» и «низшее». Если в одном состоянии сознания можно познать больше, чем в другом, то первое по сравнению со вторым оказывается высшим. На языке логики: понятие большего объема выше понятия меньшего объема. Например, род выше вида. Если же интеллект присоединяется к полету мистической способности восприятия, то горизонт его представлений расширяется, а суждения высшего сознания приходят в гармонию с привычным пониманием.

Строго говоря, процесс углубления мистического состояния — это не процесс, а внезапное Пробуждение, причем абсолютно полное. Впечатление процесса возникает только у интеллекта. Соответственно все, что можно сказать о стадиях Пути, истинно лишь в отношении двойного сознания, которое является частично мистическим, а частично мыслящим. Когда Путь пройден, единственно совершенным Словом становится абсолютное Безмолвие.